

Автомобильная авария повредила мозг Фэй Чэньюя. Прележав в коме больше трех лет, он стал похож на краба, которого слишком долго хранили в холодильнике: тело цело, а внутри все иссохло, осталась лишь пустая оболочка.

Фань Сьюань похитил его, таскал по свету и, вдобавок ко всему, едва не превратил в живую бомбу. Нетрудно догадаться, что все это время с ним особо не церемонились. Когда полиция и скорая вытащили его из того «подземного бункера», Фэй Чэньюй уже едва дышал. Он цеплялся за жизнь еще несколько месяцев, пока, наконец, не испустил дух.

К тому моменту интерес к делу, переполошившему город во время Весеннего фестиваля, постепенно угас. Фэй Чэньюй лишился доброго имени и вполне заслуженно умер, так что больше его смерть никого не интересовала. По решению Фэй Ду из его тела извлекли все пригодное и отдали на нужды современной медицины. В остальном обошлись без лишних церемоний: выбрали отдаленный крематорий без очередей и сожгли.

Раны Фэй Ду почти зажили, только травмированная нога пока не позволяла долго ходить и активно двигаться. Впрочем, это не имело особого значения: по словам Ло Вэньчжоу, ноги и раньше были даны ему только для красоты. Без них, конечно, неудобно, но и при наличии... они приносили не слишком много пользы.

Обстановка в зале ожидания для родственников при крематории была весьма скудной, и, по сути, состояла всего лишь из стола и нескольких длинных скамеек. Из печи валил черный дым, а Фэй Ду при естественном освещении из окна возился с ремешком наручных часов. По дороге у Ло Вэньчжоу ослабла застежка, и пружинка внутри не защелкивалась. Фэй Ду попросил у сотрудника тонкую иглу и принялся чинить часы вручную.

Фэй Ду отличался завидным спокойствием. Бесконечные бланки, россыпь мелких деталей, запутанные в клубок веревки... Все то, что способно довести до нервного срыва беспокойного жителя современного мегаполиса – для него не представляло никакой сложности.

Пружинка в застежке часов Ло Вэньчжоу была крошечной и очень тонкой. Причем было не ясно, где именно она застряла, и приходилось подолгу подбирать иглой нужный угол, чтобы ее вытащить. Стоило промахнуться, и пружинка тут же отскакивала обратно. Видимо, этот механизм был создан для того, чтобы свести с ума человека с ОКР. Но Фэй Ду повторил эту операцию десять раз подряд, а его дыхание не сбилось. Казалось, даже ветер рядом с ним замирал и превращался в обычный воздух. Если немного последить за ним со стороны, то и сам невольно начинаешь успокаиваться.

«Удивительно», — подумал Ло Вэньчжоу, подперев голову рукой и наблюдая за ним.

Фэй Ду мастерски владел искусством ментального воздействия: по его желанию человек мог оказаться в плену самых смелых фантазий или же среди бела дня погрузиться в медитацию с открытыми глазами.

Маленькая пружинка снова отскочила в последний момент, но Фэй Ду не проявил ни капли нетерпения, лишь слегка сменил позу. Случайно поймав взгляд Ло Вэньчжоу, он вопросительно посмотрел в ответ.

— Не обращай внимания, — похотливо(1) ответил Ло Вэньчжоу. — Гимнастику для глаз делаю.

— ... — Фэй Ду сказал: — Мы можем вести себя прилично в крематории?

— И это ты говоришь о приличиях? — изумился Ло Вэньчжоу.

— А сам-то не частенько упрекаешь других в бесстыдстве? — в свою очередь спросил Фэй Ду.

Логика была железной, и Ло Вэньчжоу не нашел, что возразить, поэтому прибегнул к физическому воздействию – пнул его под столом.

Фэй Ду тут же увернулся:

— Не балуйся, я еле-еле выловил эту пружинку, а из-за тебя она вернулась обратно.

— Если не можешь починить, перестань с ними возиться. Я же не ношу часы каждый день, — сказал Ло Вэньчжоу.

— Все в порядке, это не сложно, — Фэй Ду поднял часы к свету и внимательно осмотрел место, где заклинило пружинку. У него были длинные пальцы с изящными суставами, не слишком крупными, но и не настолько тонкими, чтобы выглядеть хрупкими. В этих руках ощущалась мягкая, уверенная сила, и казалось, любая попавшая в них вещь неизбежно получала самое бережное обращение.

— Откуда у тебя столько терпения? — потянувшись, спросил Ло Вэньчжоу.

— Не назвал бы это терпением, — Фэй Ду прищурился и спокойно сказал: — Просто время ограничено и нужно расставлять приоритеты. Но вот на важные вещи потратить его не жалко.

Ло Вэньчжоу не понимал, как возня с часами вдруг стала «важным делом».

В этот момент Фэй Ду наконец вернул заклинившую пружинку на место, и застежка тихо защелкнулась. Он несколько раз открыл и закрыл ее, механизм работал также плавно, как раньше.

— Готово, — Фэй Ду с лукавой улыбкой протянул ему часы. — Самое важное – сделать тебя счастливым.

Металлический корпус часов слишком долго пролежал в ладони Фэй Ду и успел нагреться. Стоило Ло Вэньчжоу надеть их, и запястье разом окутало тепло его кожи, от чего тот ойкнул и картинно опустил левую руку, как будто та стала невыносимо тяжелой.

— Кожу защемило? — спросил Фэй Ду.

— Кость защемило, — Ло Вэньчжоу поморщился и с нарочито серьезным видом принялся разминать запястье. — Такое ощущение... тц...будто запястье хрупкое, как печенюшка.

Фэй Ду схватил руку, тянущуюся к его бедру под столом, и спросил:

— А это тогда что такое?

— Хрустящая свиная лапка, соленьючка(2), — невозмутимо ответил Ло Вэньчжоу.

Уголки глаз Фэй Ду тронула слабая улыбка. В этот момент слышались шаги, и мужчины тут же разорвали свой «тесный контакт» под столом, усевшись прямо с самым серьезным видом. В помещение вошли двое сотрудников крематория, один из которых нес мешочек с прахом, обернутый красным шелком, а другой погребальную урну.

При жизни Фэй Чэньюй причинил немало бед, но, как оказалось, после смерти горел не дольше, чем любой другой человек. Теперь он ютился в тесном мешочке, став белесым прахом,

похожим на кучку прогоревшего дешевого угля, в котором уже не разберешь, был ли он честным или вероломным, добрым или злым.

— Родные хотят положить внутрь что-нибудь из любимых вещей покойного? — спросил сотрудник.

Фэй Ду достал из кармана пару колец без коробочки и бросил их прямо в шелковый мешочек с прахом.

Чего только не клали в урну с прахом, сотрудники крематория уже давно ничему не удивлялись. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что это обручальные кольца, и, судя по отношению Фэй Ду, можно было догадаться, что при жизни человек в урне плохо обращался с семьей. После его смерти сын принял решение бросить кольца в мешок с прахом, как будто разом обрывая злополучные супружеские отношения.

Сотрудник оказался весьма сообразительным. Сначала он собирался произнести: «Покойный оставил этот мир, прошу вас умерить скорбь», но в последний момент передумал и сказал:

— Меж мирами мертвых и живых пролегла граница, всякая милость и злоба оставлены позади. Отныне мост - мосту, дорога - дороге, пути разошлись, и никто никому не помеха.

Фэй Ду:...

Почему слова соболезнования в этом крематории звучат так свежо и нетривиально?

Сотрудник крематория не упустил возможности прорекламировать их услуги:

— У нас сейчас как раз акция. Долгосрочное хранение всего 1998 юаней в год. А при единовременном платеже в 50 тысяч, вы можете оставить здесь урну навсегда или забрать, когда вам будет угодно. Вы только подумайте, даже в пригороде самый дешевый участок под могилу стоит от 150000, и то с правом пользования всего на двадцать лет. Ну где еще вы найдете такое выгодное предложение, как у нас?

Таким образом Фэй Чэньюй обрел «выгодный» уголок в стене захолустного крематория, подведя итог своей гнусной жизни.

Крематорий находился в глуши, печи стояли на склоне, туда и обратно вела труднопроходимая узкая тропа. Ло Вэньчжоу опасался, что Фэй Ду оступится, поэтому шел рядом, едва заметно придерживая его за спину. Вдруг он нерешительно заговорил:

— Когда твоя мама... кажется, на ней не было этого кольца.

— Она сама сняла кольцо, — сказал Фэй Ду, — и бросила в карандашницу в моей спальне. Фэй Чэньюй не нашел его, а я обнаружил только спустя несколько дней.

Мать Фэй Ду, очевидно, не была от рождения слабой и безумной женщиной. За всю свою жизнь она ошиблась лишь однажды - доверившись Фэй Чэньюю.

Пару дней назад прошел сильный дождь, земля еще не успела просохнуть, и поэтому местами было скользко. Лодыжка Фэй Ду пока не выдерживала большие нагрузки, и он поскользнулся. Не успел он протянуть руку, как Ло Вэньчжоу подхватил его и прижал к себе:

— Расскажешь мне об этом?

От Фань Сьюаня он узнал обо всем, что тогда произошло в подвале. Даже нескольких обрывочных фраз хватило, чтобы внутри все похолодело.

— Ты давно хотел спросить, да? — вздохнул Фэй Ду.

Ло Вэньчжоу крепче сжал его руку.

— Тут нечего скрывать, — Фэй Ду похлопал его по руке и спокойно заговорил: — В молодости Фэй Чэньюй был хорош собой. Хотя происхождение у него было неважное, со стороны он, наверное, казался примером для подражания. К тому же язык у него был хорошо подвешен, он с самого детства умел морочить людям голову так, что они сами начинали виться вокруг него.

Хоть Ло Вэньчжоу с неохотой признавал это, но не было никаких сомнений, что Фэй Ду был похож на Фэй Чэньюя. Если не брать в расчет ориентацию, то одной лишь внешности Фэй Ду было достаточно, чтобы с легкостью покорить любого, будь то мужчина или женщина.

К тому же он был хитер, изворотлив и всегда просчитывал все наперед.

— Первые дни после свадьбы она наверняка была счастлива настолько, что потеряла голову. А потом мой дед умер, и Фэй Чэньюй стал его законным наследником. Он получил все, чего хотел, и, конечно же, показал тогда свое истинное лицо, — Фэй Ду помолчал. — Здесь не было никакой любви, от начала и до конца — лишь обман и жажда мести. Мозг Фэй Чэньюя был просто не приспособлен испытывать такое чувство, как любовь.

— Мести?

— Мой дед когда-то оплачивал его учебу в университете, но, усомнившись в его порядочности, перестал помогать. За маленькую помощь получишь благодарность, за большую — злобу(3). В итоге именно его Фэй Чэньюй возненавидел больше всех. Позже он стал видеть в моей матери одну из тех, кто, по его мнению, «смотрел на него свысока и презирал», и потому изо всех сил измывался над ней.

— А над тобой? — тихо спросил Ло Вэньчжоу.

— Со мной все было... — начал было Фэй Ду, но в тот же миг почувствовал, как рука, которой Ло Вэньчжоу обнимал его, сжалась чуть крепче. Мышцы его предплечья едва не дрожали от напряжения. Фэй Ду устремил взгляд на умиротворенный пологий склон впереди. Кадык его слегка дернулся, и слова «Со мной все было в порядке», едва не сорвавшиеся с губ, так и остались невысказанными.

— Фэй Чэньюй был недоволен мной. Он считал меня пустышкой: внутри у меня течет кровь матери, слабой и глупой. Он хотел исправить во мне эти врожденные «недостатки». Начал он с простого, с маленьких животных. У нормальных детей есть такой период, когда они склонны очеловечивать зверушек, на этом этапе подобная тренировка, по ощущениям, сродни убийству, — Фэй Ду опустил взгляд на свои руки. — Котята, щенки, кролики, птички... все были. Если бы закон приравнивал жестокое обращение с животными к убийству, мне бы вынесли несколько десятков смертных приговоров.

— Когда это началось? — мрачно спросил Ло Вэньчжоу.

Фэй Ду на мгновение задумался и покачал головой:

— Не помню... Мама хотела, чтобы я не забывал, но я все равно не могу точно вспомнить.

— Что твоя мама велела запомнить? — спросил ошарашенный Ло Вэньчжоу.

— Все они умирали с зажатыми шеями, задыхаясь в долгой агонии и отчаянии. Она велела мне запомнить это ощущение удушья и не забывать, что они погибли вместо меня.

Она боялась, что его раны затянутся огрубевшими рубцами, как того желал Фэй Чэньюй. Поэтому она все время наносила ему новые глубокие порезы и продолжала усиливать боль, прорезая плоть до самой кости, словно соскабливая ее в попытках излечить от яда.

— Но, наверное, я не оправдал маминых надежд, — сказал Фэй Ду. — Я оказался слабее, чем она представляла. Я никогда не признавал Фэй Чэньюя, но идти против него я тоже не осмеливался...

— Фэй Ду, — неожиданно перебил его Ло Вэньчжоу. — Подумай хорошенько. Представь: нормальную взрослую девушку довели до безумия, она не могла ни сбежать, ни спрятаться, ни сопротивляться. Что ей оставалось? Только смерть освободила бы ее. Но она прожила в этом аду четырнадцать лет. Не знаю, как другие, а я бы точно не выдержал. Однако она смогла. Знаешь, почему она продержалась столько лет?

Фэй Ду замер.

— Потому что тебе тогда было четырнадцать или пятнадцать лет. Ты уже знал, как защититься от Фэй Чэньюя. И поскольку тебе исполнилось четырнадцать, ты больше не был недееспособным лицом, освобожденным от уголовной ответственности. Пока Фэй Чэньюй не хотел рисковать свободой своего единственного сына, он не давал тебе делать ничего непоправимого. В тот день в подвале, когда металлическое кольцо сжимало ее шею, думаешь, она боялась смерти? — Ло Вэньчжоу схватил Фэй Ду за плечи и резко развернул к себе. — Ты ведь такой умный, неужели не понимаешь? Смерть была для нее самым желанным избавлением. Она боялась не умереть, а встретить свой конец от твоих рук. Ведь тогда, тебе пришлось бы жить с этой виной...

Фэй Ду рефлексивно дернулся.

— Она любила тебя. Я тоже люблю тебя.

— Вэньчжоу... — произнес Фэй Ду.

Ло Вэньчжоу не дал вставить ему ни слова:

— В канун Нового года, когда я вел людей в Биньхай, я в жизни никогда так не боялся. Мне до сих пор страшно даже подумать об этом. Стоит только вспомнить, как руки начинают дрожать. Но я боялся не того, что ты не справишься... с этими подонками Чжан Чуньцзю и Фань Сюанем. Даже вдвоем они тебе и в подметки не годятся(4). Я боялся, что ты не будешь беречь свою жизнь и бросишь мое сердце на съедение псам!

Эта фраза, словно бомба замедленного действия, давно томилась в сердце Ло Вэньчжоу, а потом вдруг, сорвавшись с губ, взорвалась у него в груди. Она разнесла на осколки застрявший внутри тяжелый камень, и сквозь образовавшуюся пустоту пронесся ветер с запахом сырой земли.

Зрачки Фэй Ду слегка сузились, и человек, всегда бойкий на язык, вдруг онемел.

Вся гора утопала в густых зарослях величественных софор. Кроны сосен бушевали, словно

яростные волны, а в легком ветерке слышался таинственный шепот.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Фэй Ду слегка пошевелился. Он поднял онемевшую руку и прижал ее к груди Ло Вэньчжоу.

— Прости, я... — он долго не мог продолжить, как будто все его слова иссякли. Он лишь медленно закрыл глаза и прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу Ло Вэньчжоу.

Ло Вэньчжоу застыл, и остатки его гнева в тот же миг рассеялись. Он заметил, что даже без улыбки у Фэй Ду проступили мягкие очертания «спящих шелкопрядов(5)», а вытянутые изящные уголки глаз покраснели. Совсем чуть-чуть, словно по коже легонько мазнули разбавленной акварелью.

— ...прости, — повторил Фэй Ду.

Ло Вэньчжоу ничего не ответил. Приняв это запоздалое извинение, он молча взял его за руку и повел вниз с горы.

— Я ведь не солгал тебе?

— Не солгал, о чем?

— Когда в зале ожидания крематория сказал: «Самое важное – сделать тебя счастливым».

— ...

— Я говорил всерьез, те слова не были пустой болтовней.

Отныне и впредь.

— ...Ага.

Я поверю тебе снова, даже несмотря на твою сомнительную репутацию. И если ты опять разобьешь мне сердце...

Кажется, я все равно не смогу не любить тебя.

Вот уж действительно: я попался в лапы этому ублюдку.

1. Выражение “□□□□” дословно значит «словно Дэнтуцзы», то есть «поведение, характерное для распутника, развратника или нахала». В современном китайском — это фразеологизм с ироничным оттенком, описывающий человека, который ведёт себя дерзко, фривольно или с явным намёком на похотливость.

Здесь Ло Вэньчжоу отвечает с лёгкой наглостью и игривой дерзостью, словно насмехаясь или играя роль «обольстителя», при этом, оправдываясь банальной «гимнастикой для глаз».

□□□ (Дэнтуцзы) — персонаж оды Сун Юя о сексуально одержимых людях, ставший архетипом похотливого, распущенного, наглого мужчины. В классических текстах и народных рассказах ассоциируется с обманщиком и ловеласом, который без стеснения преследует свои эротические цели.

2. □□□□ — буквально: хрустящая солёная свиная лапа.

На китайском слэнге «拉拉手» — это рука, которая пристаёт, лапает кого-то, особенно скрытно, флиртующе, чуть нагло. Часто употребляется для обозначения кокетливых прикосновений, или в контексте домогательств.

Добавка 脆 (хрустящий) делает фразу ещё более абсурдной и комичной — как будто он оправдывается, что его похотливая рука не просто «лапа», а аппетитная и «вкусная».

3. 三鞭补酒» — это китайская пословица, которая буквально означает:

«За шэн риса — благодарность, за доу риса — вражда».

Значение: если человеку помочь немного (шэн — малая мера), он будет благодарен, а если помочь слишком много (доу — большая мера), может возникнуть вражда или обида.

4. Выражение “一锅烩” дословно значит «зачерпнуть одной ложкой и перемешать», метафорически — легко и быстро справиться, смешать в одной кастрюле. В данном контексте капитан подчёркивает, что эти двое для Фэй Ду — пустяки, с которыми он справится без труда.

5. 卧蚕 (wò cán) — дословно «спящий шелкопряд», но в китайской эстетике так называют «жировую складку» под нижним веком, которая особенно заметна при улыбке. Считается, что она делает взгляд мягким, очаровательным, миловидным. Это не то же самое, что мешки под глазами — скорее, как у молодого человека с нежной внешностью.

<http://bllate.org/book/12932/1135267>